126. GAPDUDPAR, Kopiyniy fond, № 300, l. 3 – 4.
127. Imperialisticheskaya intervenciya na Donu i Severnom Kavkaze / Pod red. I.I. Mintsa. M., 1988.
128. Kasterin A. Po Chechne (putevye nabroski) // http://www.chechen.org.
129. Bor'ba, 14 aprelya 1920.
130. GIAAR (Gosudarstvenniy istoricheskiy arhiv Azerbaidzhanskoy Respubliki), f. 798, op. 4, d. 41, l. 1 – 4.
131. GAPDUDPAR, f. 277, s. 2, iş 87, l. 4 – 4ob.
132. GAPDUDPAR, f. 970, op. 1, d. 154, l. 66.
133. Nachdivu Kurishko Nachal'nik kavdivizii Voenkomdiv Kuleshov, Temir-Han-Shura, 13/4.1920 // RGVA. F. 7717. Op. 1 D. 60. L. 38. L. 164, 179 – 180, 213.
134. Prikaz voiskam otdel'noy Kavaleriyskoy divizii konnogo korpusa II Krasnoy Armii, № 034, 15 aprelya 1920 goda // RGVA. F. 7717. Op. 1 D. 60. L. 221.
135. Kirov i Ordzhonikidze Tuhachevskomu po provodu // RGVA. F. 195. Op. 3. d. 198. Operativnye telegrammy. Vesna 1920. L. 37 – 38.
136. Komanduyuschiy voiskami Terskoy gruppy Nachal'nik Shtaba Genshtaba Komfronta Kavkazskogo // RGVA. F. 39247. Op. D. 123. L. 2 ob – 3.
137. Nachdivu Kurishko Nachal'nik kavdivizii Voenkomdiv Kuleshov, Temir-Han-Shura, 13/4.1920 // RGVA. F. 7717, op. 1, d. 60, l. 38, 164, 179 – 180, 213, 221, 264.
138. RGVA. F. 7717. Op. 1 D. 60. L. 272, 320, 332, 233.
139. RGVA. F. 7717. Op.1 D. 60. l. 340, 343, 367, 384.
140. Prikaz 26 aprelya 1920 Yalama-Hudat-Baladzhary….O prodvizhenii Krasnoy Armii. O plane zahvatit' Kyurdamir, Evlah // RGVA. F. 7717. Op.1 D. 60. l. 393, 418, 418 ob., 419.
141. Pavlovich M. Krasniy Dagestan (rech', proiznesennaya na vechere Krasnogo Dagestana v Moskve) // Noviy Vostok, 1923. № 3.
142. Bor'ba, 13 iyunya 1920.
143. Gruziya, 11 iyunya 1920.
144. Gasanli Dzh. P Russkaya revoluciya i Azerbaidzhan. Trudniy put' k nezavisimosti, 1917 – 1920. M., 2011.
145. Soobschenie genshtaba 24/2 // RGVA. F. 39247. Op. 1. D. 99. l. 91.

УДК 349.2 (479.24)

КАДРОВАЯ ПОЛИТИКА В АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР В 20 – 30-Х ГГ. XX В. (ПРАВОВОЙ АСПЕКТ)

Нифталиев Ильгар Вахид оглы доктор философии по истории, ведущий научный сотрудник отдела «Новейшая история Азербайджана», Институт истории Национальной академии наук Азербайджана (Азербайджанская Республика, г. Баку, пр. Г. Джавида, 115)
E-mail: Ilg4352@yandex.ru

Аннотация

В статье рассматриваются правовые аспекты кадровой политики в Азербайджанской ССР в 20 – 30-гг. XX века. Отмечается, что нормативные основы советской кадровой политики являлись ее системообразующим каркасом и представляли собой не только общие партийно-политические установки, но и практические указания по методам их реализации при подборе и расстановке кадров. Повышенное, приоритетное внимание к вопросам подбора и расстановки кадров исходили из задач формирования надежного с точки зрения режима аппарата управления, на который можно было опереться при реализа-

ции самых сложных и сомнительных с точки зрения морали государственных мероприятий. Высшее руководство считало адекватную кадровую политику одной из основных составляющих, обеспечивающих устойчивость режима. Поэтому советская партийно-государственная бюрократия, чья власть и положение целиком зависели от той должности, на которой находился тот или иной ее представитель, а также деятели хозяйственных, научно-технических и культурных элит, подбирались и расставлялись в соответствии со строгими писаными и неписаными правилами, вполне логичными и объяснимым с точки зрения властей.

Ключевые слова: *кадровая политика, номенклатура, рабочий, крестьяне, партия.*

Нормативные основы советской кадровой политики являлись ее системообразующим каркасом и представляли собой не только общие партийно-политические установки, но и практические указания по методам их реализации при подборе и расстановке кадров. Повышенное, приоритетное внимание к вопросам подбора и расстановке кадров исходили из задач формирования надежного, с точки зрения режима, аппарата управления, на который можно было опереться при реализации самых сложных и сомнительных с точки зрения морали государственных мероприятий. Высшее руководство считало адекватную кадровую политику одной из основных составляющих, обеспечивающих устойчивость режима. Поэтому советская партийно-государственная бюрократия, чья власть и положение целиком зависели от той должности, на которой находился тот или иной ее представитель, а также деятели хозяйственных, научно-технических и культурных элит, подбирались и расставлялись в соответствии со строгими писаными и неписаными правилами, вполне логичными и объяснимым с точки зрения властей.

В 20 – 30-х годах прошлого века республиканская власть в Азербайджанской ССР, как система ассоциировалась с аппаратом Центрального Комитета (ЦК) Коммунистической партии Азербайджана, правительством – Советом Народных комиссаров и высшим законодательным органом – Азербайджанским Центральным Исполнительным Комитетом (с 1937 года Верховным Советом). Ведущая роль в этой властной триаде, безусловно, принадлежало аппарату ЦК Коммунистической партии Азербайджана. В руках аппаратной части единой партии концентрировалась вся полнота власти внутри организации, в государстве и обществе, а законодательную власть невозможно было отделить от исполнительной. Существовал своеобразный симбиоз партии и государства. Характерными особенностями этой структуры были сосуществование государственной и партийной ветвей власти, формально параллельных, а фактически взаимопроникающих с очевидным и беспрекословным приоритетом партийных органов, а также выдвижение на первый план исполнительных, а не представительных органов власти. Все это, в условиях наличия однопартийной системы и отсутствия реальных демократических противовесов, приводило к отчуждению власти от масс. Таким образом, происходила практическая подмена демократических принципов деятельности командно-административными методами управления.

Коммунистическая партия Азербайджана была создана в феврале 1920 г. на I съезде в результате объединения Бакинской организации РКП (б) [1], подавляющую часть которой составляли русские, армяне и представители других некоренных для Азербайджана национальностей, и двух национальных большевистских организаций, одна из которых – «Гуммет» – состояла из местных коммунистов-азербайджанцев, другая – «Адалет» – из коммунистов-азербайджанцев, выходцев из азербайджанской части Ирана. Создание Коммунистической партии в Азербайджане имело целью придать видимость волеизъявления азербайджанского народа, выразителем интересов которого и должна была предстать местная, национальная (хотя бы по названию) коммунистическая партия. АКП (б) никогда самостоятельной партией не являлась, не имела своей программы и устава, она всецело руководствовалась программными и уставными документами РКП(б), а позже ВКП(б) [2].

В партийной иерархии самой высокой ступенью была должность сначала председателя Президиума ЦК, затем ответственного секретаря, и с 1929 г. первого секретаря ЦК АКП(б). До 1929 г. лица, занимавшие должность председателя Президиума или секретаря ЦК, скорее возглавляли аппарат ЦК Компартии Азербайджана, нежели были руководителями партийной организации республики. В период 20 – 30-х годов на этих должностях сменилось более десяти человек. Их статус практически не определялся ни уставными, ни другими законами. Секретари партии назначались и снимались (хотя на пленумах проводилось формальное голосование) сверху, волей ЦК ВКП(б). Причин для этого было много, но основная из них – провал в работе. Основная часть данных руководителей были назначены из представителей некоренной национальности (В. Нанейшвили, Е. Стасова, В. Думбадзе, Г. Каминский, А. Киров, Л. Мирзоян, Н. Гикало, В. Полонский, Р. Рубен).

Начиная с 20-х годов «коренизация» состава руководящих работников в национальных республиках была выдвинута Кремлем в качестве одной из важнейших задач в рамках программы построения социалистической системы. Смысловое значение этой политики сводилось к следующему: 1) Наличие в составе руководящих кадров союзных республик значительного удельного веса представителей титульного этноса служило одним из важнейших доказательств достижения в стране равноправия народов, должна была олицетворять и демонстрировать национальный характер государственности. 2) Реализация этой политики должна была сделать Советскую власть «родной», «близкой», «народной» и «понятной». Коренизация, удовлетворяя позитивные психологические потребности национализма, должна была показать массам, что Советская власть и ее органы есть дело их собственных усилий, олицетворение их чаяний. По мысли большевиков, создание национальной, «коренной» управленческой элиты, которая хорошо знала бы местный быт, нравы, обычаи, язык, обеспечило бы «восприятие советской власти как коренной, а не навязанной извне большевистским империализмом». 3) Эта политика выполнялась в интересах пропаганды преимуществ советской системы по сравнению с формами управления национальными окраинами в царской России. И, действительно, если, например, в дореволюционной России в управлении национальными окраинами представители автохтонного населения принимали участие, в лучшем случае, в крайне ограниченных масштабах, а в большинстве случаев, как, например, в Азербайджане, практически были лишены этой возможности, то в советское время самое широкое, поощряемое привлечение местного населения в управление стало реальностью. Это создавало видимость того, что судьбы народов находятся в их собственных руках, поскольку непосредственное управление поручено представителям этих же народов [3].

7 января 1924 г. на места было направлено специальное циркулярное письмо от ЦК РКП(б) о мероприятиях по реализации постановлений по национальному вопросу, принятых XII съездом РКП(б) и IV совещанием ЦК РКП(б) с ответственными работниками национальных республик и областей, в которой отмечалось: «Добиваться в повседневной работе усиления привлечения местными партийными комитетами в национальных республиках и областях на руководящие партийные и советские посты местных людей. Принять за правило, чтобы в состав президиумов обкомов национальных ЦК и так далее, обязательно входили товарищи, принадлежащие к местным национальностям или знающие местные языки. Установить, как правило, что в каждом основном отделе обкома или национального ЦК, заведующий или его заместитель должен быть работником местной национальности».

Надо отметить, что до середины 1926 г. способом коренизации аппаратов в восточных национальных республиках, в том числе в Азербайджане, был метод процентной нормы. Разрабатывались планы, по которым для каждого учреждения устанавливался процент работников-националов в штате данного учреждения. Эти проценты в большинстве случаев определялись на несколько лет вперед, причем не имели достаточно реального основания. Планы не предусматривали, какие именно должности в аппаратах необходимо в

том или другом году национализировать. Руководство работой по национализации было возложено на специальную комиссию при ЦИКах и Организационно-инструкторских отделах, которые, однако, фактически занимались только регистрацией технических работников-националов и посылкой их на работу. Однако опыт работы национализации аппаратов по методу процентной нормы показал, что планы национализации оказались не жизненными; непосредственная же посылка комиссиями по национализации работников-националов в различные учреждения приводила к ряду ненормальностей. Руководители учреждений, освобождаясь от заботы по подысканию работников-националов соответствующей квалификации, освобождались и от ответственности за качество и работоспособность его аппарата. Гоняясь за достижениями к определенному сроку установленного процента националов, руководители учреждений нередко достигали процентной нормы исключительно путем замещения националами обслуживающего персонала: сторожей, кучеров и пр.

В конце 1926 г. республики переходят на функциональный метод национализации аппарата. В штатах учреждений устанавливается номенклатура должностей, функциональная работа которых связана с обслуживанием коренного населения. Срок заполнения намеченной номенклатуры увязывал, с одной стороны, наличием работников националов, ещё не привлеченных к работе в аппарате с планом подготовки работников через курсы, школы и т.д. и, с другой стороны, с практической возможностью обучения туземцев местному языку. Ответственность за проведение коренизации учреждений, прежде всего, была возложена на руководителей учреждений. Регистрация работников, необходимых для коренизации, была возложена на органы Наркомата труда. В то же время руководителям учреждений предоставлялось право свободного подбора и найма работников не через органы Наркомата труда, но с последующей регистрацией. В результате практической работы по национализации аппарата на основе функционального метода, наблюдалась некоторая недооценка в вопросе о коренизации государственного аппарата, которая выражалась в том, что отдельные руководители пытались ограничить коренизацию государственного аппарата рамками лишь функциональной коренизации, забывая или умаляя значение таких мероприятий как вовлечение местных людей в руководящие органы, приспособление аппарата к обслуживанию хозяйственных и культурных нужд коренного населения и т.д. Неправильно оценивая значение роли коренизации государственного аппарата, данные руководители предлагали коренизировать, прежде всего, руководство партийно-советских органов, как единственного условия для успешного проведения задач коренизации государственного аппарата в целом [4].

Некоторые итоги коренизации государственного аппарата были подведены в докладной записке ответственного инструктора ЦК А.А.Френкеля в ЦК ВКП(б) о Закавказской парторганизации, ЦК КП(б) Азербайджана и ЦК КП(б) Грузии от 15 октября 1931 г. Автор справки отмечал, что директива ЦК о коренизации госаппарата, в Азербайджане, проводится крайне неудовлетворительно [5]. В докладной Закавказского крайкома в ЦК ВКП(б) о работе и состоянии Закавказской партийной организации от 19 октября 1931 г. также делался вывод: «Кадры работников из коренных национальностей расставлены чрезвычайно неравномерно; самым отсталым участком в деле коренизации аппарата является привлечение тюркских кадров» [6]. Прослойка тюрок в аппарате резко отстает от процентного соотношения отдельных национальностей среди населения республик. Так, в Азербайджанской ССР среди населения тюрок – 63,5 %, в общем составе проверенных учреждений 34,1 %. В Грузии тюрок среди населения 5,2 %, а в аппарате проверенных учреждений – 0,3 %. В Армении тюрок среди населения – 8,7% , а в аппарате проверенных 35 учреждений – 1,5 % [7]. В докладной записке делался вывод, что подобное положение было связано с тем, что в Азербайджане имелось большое число неграмотных среди наиболее зрелого и трудоспособного слоя населения – от 15 до 45 лет – 648030 человек из 800000 по

всему Закавказью. Причиной этому было также наличие в республике большого количества нацменьшинств, у которых или не было письменности, или она была введена недавно [8].

С момента образования в 1920 г. и до 1941 г. численность членов и кандидатов в члены партии в Азербайджанской ССР возросло в 20 раз, составив в общей сложности 84084 человек [9]. По данным партийной переписи 1922 г. Компартия Азербайджана состояла из коммунистов 40 национальностей [10]. Из них азербайджанцы 39,3 %, армяне – 13, русские 34,7 %. В период 1922 – 1941 гг. численность азербайджанцев в партии (членов и кандидатов в члены партии) увеличивается с 39,3 до 48,1 % (т.е. на 23 %) [11]. Таким образом, несмотря на принимаемые меры, все довоенные годы удельный вес азербайджанцев среди коммунистов не достигал и половины. Медленный рост числа азербайджанцев в составе партийной организации республики являлся прямым следствием разницы в социальной структуре национальных групп населения Азербайджана. Армяне, русские, представители других национальных групп, проживавшие в Азербайджане, среди которых доля рабочих и служащих была выше, чем у азербайджанцев, а удельный вес крестьян значительно ниже, составляли весомую часть коммунистов республики [12]. С другой стороны, в советской системе подхода к кадрам постоянно присутствовал элемент сомнения в лояльности и преданности членов местной номенклатуры, которая находила свое выражение в постоянном подозрении национальных кадров в их склонности к так называемому национализму. Этот штамп, словно дамоклов меч, постоянно висел над номенклатурными кадрами коренной национальности. Угроза быть обвиненным в национализме в союзных республиках была самой опасной, а страх прослыть националистом – самым страшным. Неслучайно, что главным обвинением по отношению к большинству репрессированных в 1936 – 1938 гг. в национальных республиках, в том числе в Азербайджане было обвинение в «буржуазном национализме» [13]. Это было также одной из причин того, что до войны, в ЦК, в обкомах, горкомах и райкомах, правительстве значительная часть должностей, включая ключевые посты, была занята представителями некоренных национальностей.

Надо отметить, что большевистское руководство, с самого начала акцентируя внимание на политической принадлежности будущих управленцев, считало одной из основ коренизации («национализации») языковой фактор. Председатель Совета народных комиссаров Азербайджанской ССР Нариман Нариманов ещё в 1922 г. опубликовал в газете «Бакинский рабочий» статью под названием «Ответ некоторым товарищам», в которой обрушился резкой критикой против тех, кто пытался притеснять тюркский язык: «Тюркский язык объявлен государственным языком в Азербайджане, и он должен пользоваться всеми правами и преимуществами этого языка. Азербайджан может в силу известных политических и экономических соображений уступить территорию, свои естественные богатства, но отказаться от своего родного языка он не может и не позволит кому бы то ни было умолять значение этого языка в Азербайджане» [14]. Тогда статья Н.Нариманова вызвала резкий резонанс среди членов ЦК и Президиума ЦК, который принял даже специальное постановление, где указывалось, что выступление ответственных работников с такими статьями недопустимы и дезорганизируют партию [15].

Однако в проекте платформы по национальному вопросу, принятой на IV совещании РКП(б) с ответственными работниками национальных республик и областей, проходившей 9 – 12 июня 1923 г. в Москве, отмечалось: «Для того, чтобы приблизить партийный и особенно советский аппарат к населению, необходимо, чтобы эти аппараты работали на языках, понятных широким массам населения. Нужно, чтобы люди, стоящие во главе государственных учреждений, как и сами учреждения, работали на языке понятном населению» [16]. Таким образом, изменилась мотивация использования национального языка: если раньше она носила в основном культурный характер, то теперь присутствовал и политический аспект. Регламентация же этой политики исходила из самого центра. В специальном циркулярном письме ЦК РКП(б) от 7 января 1924 г. отмечалось: «Следить за ра-

ботой в национальных областях по осуществлению постановления IV совещания ЦК с ответственными работниками национальных областей и республик о постепенном вводе в делопроизводство парткомов и советских учреждений местных языков, обращая особое внимание на проведение этой меры на Украине, в Азербайджане, Белоруссии, Туркестане. Предложить всем партийным комитетам национальных республик и областей приступить к систематическому введению местных языков в качестве языков преподавания во всех школах политграмоты, обслуживающих членов партии – « националов». Во всех без исключения учебных заведениях национальных республик и областей ввести язык национального большинства как обязательный предмет преподавания» [17]. В дальнейшем не раз принимались решения об обязательном изучении азербайджанского языка работниками, занимающими руководящие посты в партийной иерархии Азербайджана.

В советской системе подхода к вопросу подбора и выдвижения руководящих партийных кадров их социальное происхождение относилось к важным признакам политической благонадежности. Социальная однородность партии предполагало численное преобладание в ней рабочих и крестьян. Выдвижение рабочих в органы власти имело целью заменить рабочими (и крестьянами) чуждое партии бюрократическое чиновничество, создать новые кадры управленцев. Коммунистическая партия, неизменно подчеркивая, что она является, прежде всего, партией рабочих и колхозников, предлагало «вербовать в партию стойких сознательных рабочих с производства, а также сельскохозяйственных рабочих – батраков», была заинтересована в увеличении их удельного веса, демонстрируя тем самым, что политическую основу государства составляет союз рабочих и крестьян. Выдвижение рабочих от станка и крестьян от сохи в аппарат управления государством стала реализовываться с неумолимой последовательностью. Насыщение аппарата рабочими и крестьянами контролировалось путем анализа отчетности, поступавшей с мест, причем жесткой критике подвергались те организации, где допускались послабления на этот счет. Парткомам предписывалось, что малоопытность и недостаточное знакомство с работой не служат тормозом к выдвижению способных и активных. В целом, назначенство по социальному признаку создавала надежную опору власти, так как тысячи вчерашних пролетариев за короткий отрезок времени заняли определяющее положение во всех сферах управления государством, экономикой и другими областями жизни общества, сформировав мощный и послушный механизм управления страной. Советская власть могла рассчитывать на преданность выдвиженцев, которые были обязаны ей своим положением и полностью от нее зависели. Процесс создания нового правящего слоя подкреплялся широкими социальными мероприятиями, в результате которых миллионы вчерашних рабочих и крестьян кардинально изменили свой статус и, несмотря на тяготы и лишения повседневной действительности, могли реально рассчитывать на улучшение своего положения и быта, получали образование, поступали в вузы и техникумы, приобщались к культурным ценностям и достижениям современной цивилизации. При этом для них были открыты возможности дальнейшего повышения своего социального статуса, и власть своей кадровой политикой всячески демонстрировала реальность таких возможностей. В результате «орабоченный», «окрестьяненный», «окоммунистиченный» аппарат управления, сделанный партией таким с самыми благими намерениями, открывал дорогу диктатуре личной власти.

В конце 1924 г. закончился "ленинский набор" в партию, и он вызвал серьезные изменения в ее социальном составе. По итогам 1924 г. состав коммунистов Азербайджана по роду занятий распределялся следующим образом: рабочие – 30,4 %, крестьяне – 28,2, служащие и остальные – 41,4 % [18] . По итогам переписей 1925 – 1933 гг. рабочие по роду занятия занимали среди коммунистов стабильно ведущие позиции, что было связано с индустриальным развитием республики, открытием новых промышленных объектов. Наряду с Баку в период индустриализации Азербайджана, в результате строительства промышленных предприятий в таких уездных центрах, как Гянджа, Нуха, наблюдается рост пролетариата в этих городах, ставших резервом для пополнения рядов АКП (б)

пролетарскими элементами. На 1 января 1928 г. в Гяндже партийная прослойка среди рабочих составляло 12 %, в Нухе – 16,3 % [19]. Вновь основная доля рабочего класса партии складывалась за счет самой крупной партийной организации республики – Бакинской, которая придавала ей также многонациональный характер. Так, если на 1 января 1929 г. численный состав Компартии Азербайджанской ССР составлял 38303 человек, из них 27320 (71,3 %) членов приходилось на Бакинскую партийную организацию [20]. По тем же данным, если среди членов АКП (б) рабочих по роду занятий было 22351 человек [21], из них 18547 (82,9 %) приходилось на Бакинскую партийную организацию [22]. Однако, начиная с 1934 г. численность рабочих среди коммунистов начала снижаться, отдав ведущие позиции служащим, интеллигенции, которые прочно стали занимать первые позиции в социальной структуре партии. В результате уже на 1 января 1940 г. доля рабочих по роду занятий среди членов партии снизился до 21,9 % [23]. Многие рабочие устремились в различные партийные и гражданские вузы с целью повышения своего социального статуса. Закончив их, они стали пополнять ряды служащих и новой «пролетарской интеллигенции».

Что же касается процента крестьян-коммунистов, то выходцы из этой категории на протяжении всего периода существования Коммунистической партии Азербайджана прочно занимали вторые и третьи позиции в её структуре. До войны самый высокий процентный показатель крестьян в партии был зафиксирован в 1924 г. – 28,2 % [24]. В дальнейшем этот показатель начинает резко снижаться, достигнув кризисной точки в 1930 г. – 7,9 % [25]. Большое влияние на этот процесс оказало начало со второй половины 20-х годов постепенного сворачивания рыночных элементов в развитии экономики, привнесенных новой экономической политикой, а также утверждение административных методов управления сельским хозяйством. Взятый советским правительством в период индустриализации курс на стремительное развития тяжелой промышленности страны, которая требовала огромных финансовых вложений, осуществлявшегося большей частью за счет скачивания средств из деревни, сильно ударило по положению крестьянских хозяйств. В результате их разорения наблюдался сильный отток крестьян в город, где они постепенно вливались в ряды рабочего класса. Для преодоления данного кризисного положения с конца 20-х годов Советское правительство пыталось различными методами остановить отток крестьян из деревни. Основным способом решения данной проблемы стало принудительное создание колхозов, где действовали партийные ячейки, взявшие крестьян под строгий партийный контроль. В условиях начавшейся в стране коллективизации, значительная часть крестьян в Азербайджане была привязана к колхозам, так как на них не распространилась паспортная система, введенная в стране в 1932 г. В 30-е годы это позволило искусственно сдерживать отток сельского, в основном азербайджанского населения, в город, который был основным источником пополнения членов партии из числа рабочих. Поэтому, начиная с 1933 г. наблюдается стремительный рост процентной доли крестьян в партийной организации республики, которая достигла своего пика к 1937 году – 27 % [26].

Тождественными с мотивами рабочих оставались и стимулы крестьян при вступлении в партию. Крестьяне, вступавшие в партию, стремились использовать ее в целях своего социально-экономического и культурно-общественного роста. Партия при помощи крестьянина-коммуниста хотела приобрести социальную опору в деревне, а крестьянин-коммунист использовал членство в партии как средство повысить свой материальный достаток и для социального восхождения, страховал себя на случай будущих преобразований в деревне. Такой крестьянин вносил в партию элементы своего мировоззрения, а партия использовала его для борьбы с теми социальными элементами деревни (а отчасти и города), которые составляли реальную угрозу господству ВКП (б) в обществе. В то же время, несмотря на то, что более половины занятого населения республики составляли колхозники, различия в образовательном уровне городского и сельского населения Азербайджа-

на был одним из определяющих факторов в традиционно низкой процентной доли крестьян в составе партии по сравнению с рабочими и служащими.

Однако массовое выдвижение неподготовленных кандидатов, в конечном счете, себя не оправдывало. Рабочие и крестьяне, даже те, кто закреплялся на руководящей должности, осваивали, прежде всего, науку «как бумагу составить», на другое, их просто не хватало. Подавляющее большинство наркоматов были не довольны внедряемой практикой выдвижения, требовали хотя бы элементарной грамотности, подготовки рабочих-выдвиженцев и были, в общем-то, правы. Неуютно чувствовали себя в наркоматах рабочие и крестьяне-выдвиженцы. Неподготовленность выдвиженцев к занятию «ключевых постов» была очевидной.

Начиная с 1932 года процент служащих среди членов партии стал стабильно расти, составив на 1 января 1940 г. 53,2 % всех членов партии [27]. Стремление к выступлению в ряды коммунистов и, следовательно, согласие на возрастание своей политической ответственности, служащие обнаруживали с большей готовностью, чем рабочие и крестьяне. Это было естественно. Если для служащих вступление в партию сопровождалось возрастанием их должностного положения в обществе или увеличивало шансы на это в обозримом будущем, то членство в партии мало что меняло в положении рабочих и крестьян. Партия теперь нуждалась в более образованных и дипломированных кадрах. И закономерно, что наибольшую тягу к вступлению в ряды коммунистов обнаруживали дипломированные специалисты, иными словами, те, кто с большим основанием мог рассчитывать на продвижение в должностной иерархии [28]. Однако это не соответствовало идеологическим установкам партии, которая старалась сохранять прежнюю диспропорцию в соотношении социальных групп внутри партии. В 20-е гг. партия еще как-то пыталась строго регламентировать значительный приток служащих в партию. Так, 28 марта 1927 г. Пленум ЦК АКП (б), обсудив вопрос о состоянии парторганизации Баку и уездов республики, констатировал, что при приеме в партию служащих строго применять уставные требования, тщательно проверяя при этом, действительно ли вступающий может быть полезным и стойким членом партии, проявил ли он себя на практической работе, имеет ли связи с трудящимися массами и достаточно ли подготовлен для того, чтобы быть «идейным помощником в работе среди рабочих и крестьянских масс». Необходимо принимать в партию лучших представителей деревенской интеллигенции (учитель, врач, агроном и т.п.) [29].

После кадровых чисток конца 30-х гг., наряду с преданностью к социализму и верой к Сталину, опыта организаторских способностей, в число необходимых требований для выдвижения в номенклатурную среду стали большее значение, чем прежде, приобретать профессиональные качества: образовательный уровень, знания. Жизнь выдвигала свои требования, с которым нельзя было не считаться [30]. Ушло то время когда Советская власть, утверждая о своем народном характере и стремясь убедить в этом широкие слои населения, в качестве одного из главных аргументов приводило свою политику формирования интеллигенции и чиновничьего аппарата, за счет главным образом выходцев из рабочей и крестьянской среды. С конца 30-х г. необходимость убеждать кого-либо в народном характере власти считалось излишним, поскольку она добилась массового притока в ряды номенклатуры выходцев из рабочих и крестьян [31].

В комплексе административно-политических мероприятий, проводимых центральным партийным руководством, лежащих в основе обеспечения политической благонадежности партийной номенклатуры в национальных окраинах, важное место занимали периодически проводимые партийные чистки. По официальной версии «чистки» были призваны повышать активность членов партии и способствовать удалению из ее рядов классово чуждых элементов и случайных лиц, нарушающих партийную и государственную дисциплину. Основные принципы данной политики можно выявить из стенографического отчета IV совещания ЦК РКП, состоявшегося в июне 1923 г. в Москве. Политическое руководство намечало провести «чистку государственных и партийных аппаратов от национа-

листических элементов (имеется в виду в первую голову русские, а также антирусские и иные националисты)», для отстранения из управленческого слоя тех людей, которых можно было подозревать в отсутствии лояльности к строю и приверженных иным идеологическим доктринам, нежели социализм [32].

С другой стороны, не секрет, что, являясь обязательным условием для успешного продвижения по служебной лестнице и занятия руководящих постов, членство в партии всегда привлекало беспринципных карьеристов, готовых ради доступа к благам и привилегиям исполнить любое указание и распоряжение, самое неприемлемое с точки зрения норм человеческого поведения. Таким образом, чистки не были продуктом чистого произвола, а преследовали осмысленную цель. В одном из документов Сталин писал, что «литература, партия, армия, – это все организмы, у которых некоторые клетки надо обновлять, не дожидаясь, пока отомрут старые. Если мы будем ждать, пока старые отомрут и только тогда будем обновлять, мы пропадем, уверяю вас» [33].

В период общепартийных чисток 1921, 1929 – 1930 и 1933 – 1935 годов и обмена партийных документов в 1935 – 1936 гг. численность коммунистов республики заметно сократилось. На Южном Кавказе результаты партийной чистки 1921 года были следующие: в Азербайджане до чистки имелось 14776 коммунистов (членов и кандидатов в члены партии), после чистки 8276, т.е. 6500 человек (43,9 %) были исключены [34]. В КП(б) Армении соответственно было 8252, после чистки – 6008, т. е. 2244 человека (27,1 %) были исключены. В КП (б) Грузии (данные без Абхазии) до чистки было 18748 членов и кандидатов в члены партии, после чиски – 14967, т. е. 3781 человек (20,1 %) были исключены [35]. В течение июля 1929 – августа 1930 гг. в Азербайджане из 37979 коммунистов республики, прошедших проверку, были исключены из партии 4106 человек, т.е. 10,8 %. Но общее количество коммунистов в Азербайджане не уменьшилось, ибо вовремя чистки и проверки в ряды партии был принят 4541 человек, т. е. на 435 больше, чем исключено [36].

Одним из важных организационно-политических мероприятий по укреплению рядов ВКП(б) явились начатая в 1933 г. чистка партии и в 1935 г. процесс обмена партийных документов. В Азербайджане данный процесс совпал с очередной сменой партийного руководства Республики и с политическими репрессиями. Объединенный пленуме ЦК и БК АКП (б) (от 29 – 31 января 1936 г.), обсудив вопрос об итогах проверки партдокументов по Азербайджанской партийной организации, отмечал, что в ходе проверки были изгнаны чуждые элементы, пролезшие в ряды партии. Проверкой было выявлено крайняя запущенность в постановке учета коммунистов, установлено значительное расхождение числа коммунистов, состоящих на учете, с фактическим составом партийной организации [37]. С учетом результатов партийной чистки 1933-1935 гг. и обмена партийных документов 1935 – 1936 гг., когда не было приема в партию, число партийцев в Азербайджанской ССР сократилось с 47465 на 1 января 1933 г. до 34508 человек на 1 января 1937 г. [38]. В результате из Компартии Азербайджана было исключено 12718 человек или 22 % от общего числа коммунистов, прошедших проверку [39]. Большинство исключенных из партий были репрессированы в 1937 – 1938 гг. Это была самая массовая партийная чистка, не считая репрессии, за период истории партийной организации Азербайджана. Задачей подобных чисток, являлось желание центра выработать своего рода кодекс поведения члена партии, и центральный аппарат не только создавал этот кодекс, но и требовал его исполнения, потому что только так можно было бороться с всевластием советских и партийных чиновников. С одной стороны партия избавлялась от скомпрометировавших себя как в политическом, так и в морально-бытовом отношении членов партии, а с другой стороны шел процесс обновления кадрового состава ВКП(б) – в партию приходили новые люди, молодые, энергичные, но вместе с тем, нередко политически безграмотные. Остальные же члены партии на живом примере исключенных из ее рядов товарищей учились, как необходимо себя вести и работать, дабы не попасть в число изгоев. Ведь потеря партбилета не только

закрывала всякие возможности карьерного преуспевания, но и делала вчерашнего партийца весьма уязвимым – он тут же становился объектом повышенного внимания «органов».

В то время как партийные чистки 20-х – первой половины 30-х гг. коснулись в основном рядовых коммунистов, функционеров в низах, репрессии 1937 – 1938 гг. были направлены, прежде всего, против руководящих кадров. Если февральско-мартовский пленум ЦК ВКП (б) официально санкционировал старт тотальных репрессий в СССР, то в Азербайджане эту функцию выполнил VI мартовский (1937 г.) пленум ЦК Компартии республики. На пленуме был отменен какой-либо иммунитет на репрессии по отношению к номенклатурным работникам. За этим последовали массовые исключения из партии и аресты партийных, советских и хозяйственных руководителей. В составе партийных руководителей Азербайджана 20-х – первой половины 30-х годов преобладали те, кто в той или иной степени был сопричастен к победе Советской власти в Азербайджане. Эти коммунисты пришли к большевизму в сложные годы, когда их выбор был сопряжен с большим риском. Среди них были коммунисты со стажем пребывания в партии до 1920 г.. Многие из них после установления Советской власти занимали ответственные посты в партийном, советском и хозяйственном аппаратах. Когда осенью 1936 г. по Азербайджану прокатилась первая мощная волна арестов, то она коснулась, прежде всего, этой плеяды большевиков, которые в разное время входили в различные оппозиции внутри партии, а также всех подозреваемых в нелояльности к сталинскому руководству. К началу 1937 г. была привлечена к уголовной ответственности с политическими обвинениями большая группа ответственных партийных и советских работников. Репрессивная машина косила номенклатурных работников невзирая на лица и национальную принадлежность. Репрессии охватили большую часть руководящих работников, работавших в республике в прошлом или к началу массовых репрессий. Были арестованы и погибли старые бакинские партийцы С.М. Эфендиев, А.Крылов, И. Ульянов, М. Плешаков, В. Гутин и многие др. Жертвами репрессий стали почти все члены состава ЦК АКП (б), утвержденного первым съездом Компартии Азербайджана в феврале 1920 года и члены первого правительства Советского Азербайджана. Среди них были М.Д. Гусейнов, А. Караев, Р. Ахундов, Г. Султанов, Ч. Илдрым и многие др. Погибли руководители, в разные годы возглавлявшие правительство Азербайджана: Г. Мусабеков, Д. Буниатзаде, У. Рахманов. Уничтожены были деятели, долгие годы возглавлявшие ведущие отрасли экономики республики: А. Серебровский, А. Баринов, И. Зейналов, Р. Гульбис, И. Меняйлов, А. Слуцкий. Репрессированы были почти все секретари областных, городских и районных комитетов партии. В Нахчыванской АССР были арестованы, поочередно, три состава секретарей обкома. Только в 1937 г. в Азербайджане были арестованы 22 наркома, 49 секретарей райкомов, 29 председателей райисполкомов, 57 директоров заводов и промыслов, 95 инженеров, 110 военнослужащих, 207 советских и профсоюзных работников, 8 профессоров. Почти все они были уничтожены [40].

На XVIII съезде ВКП (б) в 1939 г. «чистки» как официально объявленные политические компании были отменены, имея в виду, что партия «в обычном порядке способна очищать свои ряды». На съезде партии были приняты изменения в Уставе ВКП(б). Новый Устав должен был обеспечить наполнение партии новыми, молодыми и активными кадрами. Для этого была значительно упрощена процедура вступления в ВКП(б): отныне было достаточно представить рекомендации трех членов партии с трехлетним партийным стажем, знающих кандидата по совместной работе не менее одного года. Кроме того, устанавливался годичный кандидатский стаж, чтобы создать необходимые условия для выдвижения на руководящую, партийную работу новых кадров партийных работников. Устав устранял "чрезмерные рогатки", т.е. трудности при приеме в партию интеллигенции. Это обеспечивалось отменой категорий при вступлении в ВКП(б) в зависимости от социального положения. Новым членам, которые влились в партию в результате чистки 30-х гг., центральный аппарат в новом Уставе обещал дать определенные гарантии сохранения

их положения. Во-первых, отменялся метод массовых чисток. Во-вторых, была осуждена практика исключения "пассивных" и по "биологическому принципу", когда недостаточная идеологическая выдержанность и социальная направленность может испортить карьеру потомков на целый ряд поколений. Теперь, по мнению ЦК нужно было руководствоваться "ленинским принципом об индивидуальном подходе к людям" [41].

Таким образом, кадровая политика правящей Коммунистической партии представляла из себя систему требований к руководящим кадрам страны. Эти требования, которые направляли, контролировали, регулировали и оценивали их поведение, стали частью общих социально-политических норм и традиций, выработанных с учетом социальной структуры общества, интересов и представлений членов общества. Эта система требований носила многоуровневый, лицемерный характер, однако существовал определенный порядок, который обусловливал форму, мотивацию, направленность, оценку поведения основной массы руководителей, определял формы кадровой работы и допустимые отклонения. Широкая практика выдвижения на административные, руководящие посты определенных социальных категорий (рабочих, колхозников) граждан создавала в первые десятилетия советской власти достаточно высокий уровень социальной мобильности, что, в свою очередь, содействовало общей динамике развития страны. Благодаря этому высоким был и уровень ротации кадрового, управленческого персонала. Были сломлены традиционные корпоративные, сословные перегородки, что открыло выход наверх прежним социальным низам, талантам из народной массы. Система позволяла выделять и отслеживать специальные группы работников, которые могли в случае необходимости обеспечить занятие должностей в аппаратах по национальному, половому, образовательному и иным признакам. Сложилась довольно стройная система работы с управленческими кадрами (их подбора и расстановки, партийно-гражданского контроля и привлечения к ответственности, воспитания в духе социалистических ценностей, политической подготовки и повышения профессиональной квалификации руководящих кадров всех уровней), что сыграло важную роль в формировании мощного кадрового потенциала страны.

Литература

1. *Исмаилов Э.* Власть и народ. Послевоенный сталинизм в Азербайджане 1945 – 1953. Баку, 2003. С. 70.
2. Там же. С. 71.
3. Там же. С. 111.
4. ЦК РКП(б) –ВКП(б) и Национальный вопрос. Кн. 1. 1918 – 1933. М., 2005. С. 514 – 515.
5. Там же. С. 671.
6. Там же. С. 681.
7. Там же. С. 682.
8. Там же. С. 683.
9. Коммунистическая партия Азербайджана в цифрах. Баку, 1970. С. 15.
10. Там же. С. 14.
11. Там же. С. 44 – 45.
12. *Исмаилов Э.* Указ. соч. С. 75.
13. Там же. С. 112.
14. Архив Политических документов Управления делами Президента Азербайджанской Республики (АПДУДПАР): Ф. 1, оп. 74, д. 128, л. 19.
15. Там же. Л. 16.
16. *Сталин И.В.* Соч. Т. 5, М., 1947. С. 319.
17. Российский Государственный Архив социально политической истории (РГАСПИ): Ф. 17, оп. 112, д. 481, л. 18 – 27.
18. Коммунистическая партия Азербайджана в цифрах. С. 30.
19. Коммунистическая партия Азербайджана в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 1. Баку, 1986. С. 407.20. XVIII Бакинская конференция

Азербайджанской Коммунистической партии (б). 19 – 31 января 1929 года / Стенографический отчет. Баку, 1929. С. 161.
21. Коммунистическая партия Азербайджана в цифрах. С. 30.
22. XVIII Бакинская конференция Азербайджанской Коммунистической партии (б). 19 – 31 января 1929 года. С. 161.
23. Коммунистическая партия Азербайджана в цифрах. С. 30 – 31.
24. Там же. С. 30.
25. Там же. С. 31.
26. Там же.
27. Там же.
28. *Исмаилов Э.* Указ. соч. С. 74.
29. Коммунистическая партия Азербайджана в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 1. С. 275 – 276.
30. *Исмаилов Э.* Указ. соч. С. 189.
31. Там же. С. 196.
32. *Сталин И. В.* Сочинения Т. 5. С. 297.
33. *Романовский Н.* Лики сталинизма. М., 1995. С. 58.
34. Коммунистическая партия Азербайджана в цифрах. С. 23.
35. *Хармандарян С. В.* Ленин и становление Закавказской федерации. 1921 – 1923 гг. Ереван, 1969. С. 73.
36. Очерки истории Коммунистической партии Азербайджана. Баку, 1963. С. 472.
37. Коммунистическая партия Азербайджана в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 1. С. 650 – 651.
38. Коммунистическая партия Азербайджана в цифрах. С. 23.
39. Очерки истории Коммунистической партии Азербайджана. С. 521.
40. *Исмаилов Э.* 1937 год: "Большой террор в Азербайджане» / «Зеркало», 2010, 20 мар.
41. Очерки истории Коммунистической партии Азербайджана. С. 550.

Niftaliyev Ilgar Vahid ogli, PhD in history, leading researcher of the "history of Azerbaijan" at the Institute of history by A.A. Bakikhanov, the Azerbaijan National Academy of Sciences (115, H. Javid av., Baku, 1143, Azerbaijan Republic).
E-mail: Ilg4352@yandex.ru

PERSONNEL POLICY IN AZERBAIJAN SSR IN 20 – 30 YEARS OF THE TWENTIETH CENTURY (THE LEGAL ASPECT)

Abstract

The article deals with the legal aspects of personnel policy in the Azerbaijan SSR in 20-30 years. Twentieth century. The normative foundations of the Soviet personnel policy is its backbone frame and is not only a common party-political attitudes, but also practical guidance on how to implement them in the selection and placement. High, high priority to the issues of recruitment and placement based on the objectives of forming a reliable in terms of the management regime, which could rely on the implementation of the most difficult and of dubious morality of public events. Senior management considered adequate personnel policy one of the key components to ensure the stability of the regime. Therefore, the Soviet party-state bureaucracy, whose power and position is entirely dependent on the office to which there was one or another of its representatives, as well as leaders of economic, scientific-technical and cultural elites were selected and ranked according to strict written and unwritten rules quite logical and understandable from the point of view of the authorities.

Keywords: *personnel policy, nomenclature, work, peasants, party.*

References

1. *Ismailov E.* Vlast' i narod. Poslevoenniy stalinizm v Azerbaidzhane 1945 –1953. Baku, 2003. S. 70.
2. Tam zhe. S. 71.
3. Tam zhe. S. 111.
4. TsK RKP(b) –VKP(b) i Nacional'niy vopros. Kn. 1. 1918 – 1933. M., 2005. S. 514 – 515.
5. Tam zhe. S. 671.
6. Tam zhe. S. 681.
7. Tam zhe. S. 682.
8. Tam zhe. S. 683.
9. Kommunisticheskaya partiya Azerbaidzhana v cifrah. Baku, 1970. S. 15.
10. Tam zhe. S. 14.
11. Tam zhe. S. 44 – 45.
12. Ismailov E. Ukaz. soch. S. 75.
13. Tam zhe. S. 112.
14. Arhiv Politicheskih dokumentov Upravleniya delami Prezidenta Azerbaidzhanskoy Respubliki (APDUDPAR): F. 1, op. 74, d. 128, l. 19.
15. Tam zhe. L. 16.
16. *Stalin I.V.* Soch. T. 5, M., 1947. S. 319.
17. Rossiyskiy Gosudarstvenniy Arhiv social'no politicheskoy istorii (RGASPI): F. 17, op. 112, d. 481, l. 18 – 27.
18. Kommunisticheskaya partiya Azerbaidzhana v cifrah. S. 30.
19. Kommunisticheskaya partiya Azerbaidzhana v rezoluciyah i resheniyah sjezdov, konferentsiy i plenumov TsK. T. 1. Baku, 1986. S. 407.
20. XVIII Bakinskaya konferenciya Azerbaidzhanskoy Kommunisticheskoy partii (b). 19 – 31 yanvarya 1929 goda / Stenograficheskiy otchet. Baku, 1929. S. 161.
21. Kommunisticheskaya partiya Azerbaidzhana v cifrah. S. 30.
22. XVIII Bakinskaya konferenciya Azerbaidzhanskoy Kommunisticheskoy partii (b). 19 – 31 yanvarya 1929 goda. S. 161.
23. Kommunisticheskaya partiya Azerbaidzhana v cifrah. S. 30 – 31.
24. Tam zhe. S. 30.
25. Tam zhe. S. 31.
26. Tam zhe.
27. Tam zhe.
28. *Ismailov E.* Ukaz. soch. S. 74.
29. Kommunisticheskaya partiya Azerbaidzhana v rezoluciyah i resheniyah sjezdov, konferentsiy i plenumov TsK. T. 1. S. 275 – 276.
30. *Ismailov E*. Ukaz. soch. S. 189.
31. Tam zhe. S. 196.
32. *Stalin I. V.* Sochineniya T. 5. S. 297.
33. Romanovskiy N. Liki stalinizma. M., 1995. S. 58.
34. Kommunisticheskaya partiya Azerbaidzhana v cifrah. S. 23.
35. *Harmandaryan S. V.* Lenin i stanovlenie Zakavkazskoy federacii. 1921 – 1923 gg. Erevan, 1969. S. 73.
36. Ocherki istorii Kommunisticheskoy partii Azerbaidzhana. Baku, 1963. S. 472.
37. Kommunisticheskaya partiya Azerbaidzhana v rezoluciyah i resheniyah sjezdov, konferentsiy i plenumov TsK. T. 1. S. 650 – 651.
38. Kommunisticheskaya partiya Azerbaidzhana v cifrah. S. 23.
39. Ocherki istorii Kommunisticheskoy partii Azerbaidzhana. S. 521.
40. *Ismailov E*. 1937 god: "Bol'shoy terror v Azerbaidzhane» / «Zerkalo», 2010, 20 mar.
41. Ocherki istorii Kommunisticheskoy partii Azerbaidzhana. S. 550.